

Центрально-Східній Україні офіційна модель пам'яті мала значно більший вплив на свідомість населення, ніж на західноукраїнських землях. Звичайно, існувала невелика група інтелігентів-гуманітаріїв, яка читала твори І. Еренбурга, В. Гросмана, А. Кузнецова, в яких прямо чи опосередковано фігурувала тема геноциду євреїв, але вона суттєво не впливала на суспільну думку в широкому сенсі цього поняття.

Таким чином, сприйняття Холокосту неєврейським населенням на території Західної та Центрально-Східної України з об'єктивних причин суттєво відрізнялося. Це було обумовлено деякими відмінностями в реалізації нацистської політики стосовно євреїв, історичними реаліями та міжетнічними стосунками, які склалися перед війною. Якщо в Радянській Україні протягом 1920–1930-х рр. культивували ідею інтернаціоналізму, то на Західній Україні національність мала значення, все ще спостерігалась певна відокремленість національних спільнот. Той же принцип обумовив пояснення респондентами причин замовчування радянською владою геноциду євреїв та небажання визнати їх як окрему категорію жертв нацистських окупантів. На Західній Україні такий підхід можна пояснити політикою прихованого антисемітизму в Радянському Союзі, а на більш «радянському» Центральному Сході – інтернаціональним складом держави, в якій не наголошували на етнічному походженні громадян.

Бібліографічні посилання

1. United States Holocaust Memorial Museum, RG-50.589*0001–RG-50.589*1226, Oralhistoryinterviewsofthe Yahad – in Unum, Oral History collection.
2. **Величко Т.** Первая полевая школа по устной истории «Холокост глазами нееврейского населения (русских, украинцев, крымских татар) на примере Крымского полуострова» / Т. Величко // Голокост і сучасність. – 2007. – № 1. – С. 174–177.
3. **Величко Т.** Друга польова школа з усної історії «Голокост очима неєвреїв», 16–23 серп. 2007 р. / Т. Величко, Т. Пастушенко // Там само. – 2008. – № 1 (3). – С. 171–173.
4. Інтерв'ю з Олександром Журбою, 1935 р. н. (м. Дніпропетровськ, від 15.02.2014. Транскрибований аудіозапис) // Особистий архів автора.
5. Інтерв'ю з Галиною Середою, 1945 р. н. (м. Львів, від 02.08.2013. Транскрибований аудіозапис) // Там само.
6. **Ковба Ж.** Наконечний Є. «Шоа» у Львові: спогади. – Вид. 2-ге. – Л.: Літ. агенція «Піраміда», 2006. – 286 с.
7. **Кузнецов А.** Бабий Яр: роман-документ / А. Кузнецов. – Запорожье, 1990.
8. **Наконечний Є.** «Шоа» у Львові: спогади / Є. Наконечний. – Вид. 2-ге. – Л., 2006.

Надійшла до редколегії 10.03.2014

АРХЕОЛОГІЯ

УДК 902/904

И. Ф. Ковалева

© Ковалева И. Ф., 2014

КАМЕНЬ В КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИДНЕПРОВЬЯ

Выявлены главные черты осмысления окружающей действительности носителями археологических культур энеолита-бронзы Приднепровского региона. На обширном сравнительном материале, включающем как археологические артефакты, так и письменные источники, обосновывается единство представлений человека архаической эпохи о своем положении в системе мироздания, определяемом повторяемостью основных архетипов. Символ, миф, ритуал отображают с разных сторон сложную систему космогонических представлений и место человека в ней. В подборке привлекаемых в статье доказательств вышесказанному впервые вводится в научный оборот новый – антропоморфный – тип каменных алтарей ингульской катакомбной культуры.

Ключевые слова: артефакт, культ, мировосприятие, мифологема, миф, космогония.

Ковальова І. Ф. Каміння у культурній практиці давнього населення Придніпров'я.

Виявлено головні риси осмислення навколишньої дійсності носіями археологічних культур енеоліту-бронзи Придніпровського регіону. На широкому порівняльному матеріалі, що включає як археологічні артефакти, так і писемні джерела, обґрунтовано єдність уявлень людини архаїчної епохи про своє місце в системі світобудови, визначене повторюваністю основних архетипів. Символ, міф, ритуал із різних сторін відображають складну систему космогонічних уявлень і місце людини в ній. У добірці наведених доказів уперше введено до наукового обігу новий – антропоморфний – тип кам'яних вівтарів інгульської катакомбної культури.

Ключові слова: артефакт, культ, світосприйняття, мифологема, міф, космогонія.

Камень, перед которым даже время пасует, с древнейших времен был самым важным сырьем, из которого изготавливались орудия труда и инструменты, оружие, очаги и жилища, погребальные сооружения и храмы, украшения и скульптуры. Параллельно с бытовыми, дилетантскими представлениями об исключительных свойствах камня и многообразии сфер его применения, имело место возрастания его культовой роли, поскольку в мифологическом восприятии действительности всегда, согласно Мирче Элиаде, имело место «религиозное эхо» (цит. по [19, с. 38]), сопровождавшее все сколько-нибудь значительные открытия, к каковым с полным основанием можем отнести возникновение орудийной деятельности с использованием разных видов камня. Более того – на основании изучения материалов натуфийской и других ближневосточных раннеземледельческих культур – А. Б. Зубовым были получены доказательства того, что кардинальным изменениям в основе экономической системы обычно предшествуют перемены в духовной сфере, сознании и мировосприятии людей, в ритуальном взаимодействии человека с объектами окружающего его мира [13, с. 100, 101].

В мифологии большинства народов Старого света присутствует культ камня, позиционируемого в первую очередь как символ земной тверди, часть

священной «Мировой горы» (инварианты – «Мировое древо» или каменный «столп»). В работе М. Элиаде «Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость» находим следующее объяснение: «Любая скала *представляется сакральной*, потому что само ее существование уже иерофония: нерушимая, неуязвимая, *она есть то*, чем не есть человек. Она противостоит времени, становится реальной вдвойне по причине своего бесконечно долгого существования. Любой камень может превратиться в «драгоценный», т. е. исполниться магической или религиозной силы единственно из-за символического характера своего облика или происхождения» [26, с. 4, 5].

В космогонической мифологии «Священная Гора» – место, «где встречается Небо и Земля» – находится в центре мира, что определяет название «Мировая Гора» [Там же, с. 8]; является не только центром, но и осью мира: «Преисподняя, центр земли и «дверь» в небо расположены на одной оси, по которой совершается переход из одного мира в другой» [Там же, с. 7]; ее вершина указывает на «небесный» центр – в северном полушарии Полярную звезду; под горой находится вход в подземный мир, основание горы – «пуп» мира. В индоевропейской космогонии присутствует мифологема «каменного неба, поддерживаемого «Мировой горой», служащей местом пребывания Громовержца – западно-семитского Ваала, урартийского Тейшеба, хеттского Тешуба, ведического Индры, греческого Зевса, германского Тора и др. [10, с. 42, 86]. Согласно В. Н. Даниленко, каменные стелы позднеямного времени воспроизводят образ божества «типа передневожосточного Тешуба», верховного патриархального божества, объединяющего функции бога «войны и грома», на что указывают изображения воинских атрибутов – луков, стрел, булав [6, с. 82, 83]. Каменным оружием и метательными палицами – варджа – Громовержец Индра поражает Змия, символизирующего хаос и разрушение мирового порядка. Как модель строения мира и одновременно место пребывания верховного божества в индуистской мифологии предстает гора Меру. На ее трех вершинах восседают главные божества пантеона: Брахма, Вишну, Шива; на четырех окружающих горах растет по огромному дереву, указывающему на «четыре стороны света». В мифологии центрально-азиатских и алтайских народов Гора Меру (Сумера) также находится в центре мира и над нею сияет Полярная звезда; сама же гора стоит на «пупе», перевернутая на спину черепахи. Иногда в качестве «заместителя» горы выступает священный железный столб, также помещенный на черепахе [24, с. 310–314].

В древнеиранской космогонической системе существовал культ горы Хара-Берзаити, отождествляемой с Эльбрусом (в средневековой литературе – гора Альбардж), вершина которой «выше облаков» и подпирает небо, вокруг нее вращаются Солнце и Луна, у подножия простерт мировой океан, а все 2224 горы мира являются ее детьми. На горе растут священные деревья: Всех семян и Геокерена или Белая Хаома. Оплодотворение семян производится

птицей Ахурамазун, символізуючої Сонце і служачої однієї з інкарнацій божества Ахура-Мазда [7, с. 56]. Культ почитання гор, скал, окремих каменів, отримавши у тюркських народів назву бугади, по мненню В. Н. Даниленко, мав глобальне розповсюдження: «Представляється ... вповне вірогідним, що Кам'яна могила* і, тем більше, кавказський Ельбрус (тоже Альбардж), а рівно і їх численні аналоги, олицетворяючі предвечні породження землі, були бугадами, ібо вони не могли не поразити уявлення людини і не послужити причиною обожествлення незрозумілих йому явищ природи» [7, с. 57]. В більш розглянутих міфах знаходимо підтвердження тому, що за ними стоїть вповне визначена міфологічна космологія, навколо якої «створюються не тільки асоціативні семантичні ряди, але і цілі поля семантичних асоціацій» [10, с. 42].

Розвинутий культ поклоніння горах знайшов архітектурне відтворення в імітації їм споруд культового – ритуального призначення, таких як піраміди, пагоди, храми, ступи і пр. Представлення про те, що архітектура месопотамських зиккуратів, як і їх зменшених реплік – алтарей – відтворює терасовані гори, міцно утвердилося в науці [7, с. 58; 26, с. 84]. В якості зображень святих гор В. Н. Даниленко розглядає орнаментальні схеми з трикутників на кераміці ранньої хассунської і ряду інших ближньосхідних культур [Там же, с. 57].

К найбільш раннім втіленням символу Землі в скульптурі в сиропалестинському регіоні належить поява галечних, слабо розчленованих статуєток пізньої натувійської культури, в яких Ж. Ковэн бачить «революцію символів», а саме відмова від зооморфізму, пануючого раніше, і перехід до антропоморфізму. В цьому ж якості В. Н. Даниленко розглядає умовно-антропоморфну мергелеву жіночу статуєтку, знайдену в печерному шарі поселення Митьков остров буго-дністровської неолітичної культури, а також статуєтку з кристала гірського хрусталу з поселення Гайворон – Полижок тієї ж культурної належності. В пошуку аналогій їм в неоліті переднеазиатського регіону автор звертає особливу увагу на архаїзм використовуваного матеріалу – каменя [7, с. 29].

Особливо яскраво представлений культ каменя в енеоліті – ранньому бронзовому столітті Палестини з появою там перших культових споруд. Вирабатуються визначені стереотипи, прикладом яких може служити храм в Эн Геді, де навпроти входу, примикаючи до протилежної стіни, знаходився алтарь – підковоподібне огороження з вертикально встановленим полірованим святим каменем [19, с. 59, 60]. Обов'язковою частиною будь-якого святилища була ніша, в якій встановлювався каменний блок або необроблена глыба, – «святина

* Кам'яна могила – природне геологічне утворення, давній культовий центр. Пам'ятник національного значення у с. Терпенье Мелітопольського району Запорізької області.

святых». В связи с поклонением камням А. Б. Зубовым [13, с. 120] приводится библейское повествование об Иакове, установившем в Вефиле, месте, где видел во сне лестницу, ведущую на небо, камень «и возлил елей на верх его» со словами: «Этот камень, который я поставил памятником (мащоба), будет домом Божиим» [2, Бытие 28:18]. Священные столбы – мащоба – в религии Ханаана и древних израильтян объединяли образ священной «Мировой Горы» и образ божества. Как отмечает А. Б. Зубов, «было время, когда человек ясно осознавал полную неподобность Бога ничему земному, ничему из сотворенного Им. Избегая какого-либо конкретного, «тварного» образа Творца, человек неолита предпочитал бесформенность камня всем формам мира» [13, с. 121]. Подводя итог вышерассмотренному, констатируем многочисленность и многообразие проявлений космогонического, религиозного и культового почитания камня в архаических культурах древнего Востока, сам природный фон которого в значительной степени предопределял направление в развитии мифологического мышления.

Переходя к рассмотрению роли, отводимой камню в мифологии и культовой практике древнего населения украинского Приднепровья, вынуждены признать отсутствие на огромных равнинных пространствах Евразии, куда входит изучаемый регион, таких ландшафтных зон, которые могли бы напрямую продуцировать космогонические представления о «Мировой Горе» как вертикальной оси мира. От Уральских до Карпатских гор простирались равнины, по которым протекали крупнейшие полноводные реки Восточной Европы, – Волга, Дон, Днепр. Однообразие степного ландшафта нарушалось отдельными выходами на поверхность скальных образований Донецкого кряжа, древнего Украинского кристаллического щита в районах Днепровских порогов и Криворожья, меловыми горами Подонья и Донца, уникальной песчаниковой Каменной могилой в Приазовье. Издревле привлекавшие внимание насельников края, что подтверждается археологическими материалами, эти естественные возвышенности могли и служили (Каменная могила) местами сосредоточения культовых центров, что делает актуальным их дальнейшее всестороннее изучение.

Наиболее распространенной, если не универсальной формой культовых и погребальных сооружений эпохи энеолита-бронзы на огромных пространствах Евразии, включая исследуемый регион, являются курганы – земляные или каменные насыпи, иногда достигающие огромных размеров так называемых «степных пирамид», в большинстве же не превышающие в высоту 1,5–5 м [15, с. 36, 37]. В ряде случаев их появлению предшествовала практика захоронения останков в естественных возвышенностях, неоднократно подтвержденная в процессе исследований. Последнее хорошо согласуется с представлениями о любой возвышенности или холме как репрезентантах Неба [4, с. 207, 208], с которым мифологическая космология связывает местонахождение «мира предков». Согласно наблюдениям английского ученого Х. Бейли, приводимым Е. Е. Кузьминой [18, с. 80],

слова «гора», «могильний холм» или «курган» во всех индоевропейских языках тождественны. В. Н. Даниленко, отмечал, что помимо передачи символа Земли в плоскостном изображении существовала необходимость передавать его в профильной проекции, в качестве прототипа кургана подает образ древнеегипетского первородного холма, изображавшегося в виде дуги над горизонтом [7, с. 52]. Такие строительные элементы, как каменные кромлехи, крепиды, панцирные облицовки и наброски, менгиры и стелы напрямую указывают на присущий курганной архитектуре культ камня.

В погребальной обрядности культур энеолита – раннего бронзового века региона (IV – начало II тыс. до н. э.) также присутствуют свидетельства ритуального использования камня. Так, в ряде погребений, относимых к ямной культуре, присутствуют намеренно включенные в состав погребального инвентаря небольшие камни и отщепы кремня, как правило, помещаемые в пятне охровой посыпки у рук погребенного. Необработанность и отсутствие следов использования в качестве орудий свидетельствуют против их практического применения. В данном случае камень выступает как инвариант земной тверди, «Мировой горы», объединяющей в трехчленном структурированном космическом пространстве верхний (небо), средний (земля) и нижний (подземный) миры [15, с. 40]. Появление дериватов ближневосточных культовых изделий из камня – алтарей засвидетельствовано находкой в ямном погребении № 11 кургана 4 группы 2 у с. Кисличуватая в Днепровском Надпорожье диоритового прямоугольного блока размерами со слабовыпуклой верхней площадкой. Отсутствие следов производственного – в качестве наковальни – использования, тщательная полировка всех граней, а также размещение камня в могиле у черепа погребенного мужчины свидетельствуют в пользу предлагаемого отнесения находки к переносным алтарям [16, с. 48]. По обрядовым признакам погребение принадлежит к социально неординарным, III (позднего) стратиграфического горизонта. Убедительным свидетельством существования развитого культа камня у населения ямной культурно-исторической общности служат антропоморфные и фалломорфные стелы [15, с. 42–44; 20, с. 41–44]. Предельная абстрактность изображений ранних стел роднит их с каменными столбами – маццеба и через них – с культовой «Мировой горой». Вместе с тем по крайней мере часть ямных стел уже связана с представлениями о первочеловеке и культом предков. Обнаружение стел в перекрытии могил, обычно рассматриваемое как свидетельство их вторичного использования, не согласуется с зафиксированным в ходе многолетних раскопок отсутствием на исследуемой территории предшествующих во времени культур с практикой изготовления каменных изваяний, а также наблюдаемом в ряде случаев целенаправленном размещением стел в пространстве могилы.

В погребальном обряде катакомбной археологической культуры региона присутствуют более выразительные свидетельства культовой роли, отводимой камню. В роли фетишей могли выступать необычной формы камни.

Так, при погребенном ребенке (курган 2 у с. Хашевоє) найдены три гипсовые конкреции, схожие с уродливыми человечками. В погребении взрослого с двумя детьми (курган 7 у с. Колпаковка) присутствовали необработанная галька и кристалл аметиста [14, с. 96]. Необычной формы кремневая конкреция, похожая на уродливую личину, сопровождала катакомбное погребение № 10 кургана 3 у с. Шандровки [Там же, с. 97]. Все вышеназванные погребения находятся в Днепропетровской области.

Изменения в осмыслении космогонической модели мироздания подтверждается появлением антропоморфных стел, которые, в отличие от ямных, изображают антропоморфные божества ведийского пантеона [8, с. 4, 5]. Последние (Керносовская, Федоровская и др.) имеют изображения атрибутов, позволяющих видеть в них бога войны, грозы и бури, близкого образу авестийского Индры, индоиранского Парджаньи, славянского Перуна, литовского Перкунаса [17, с. 36–46; 23, с. 37–41].

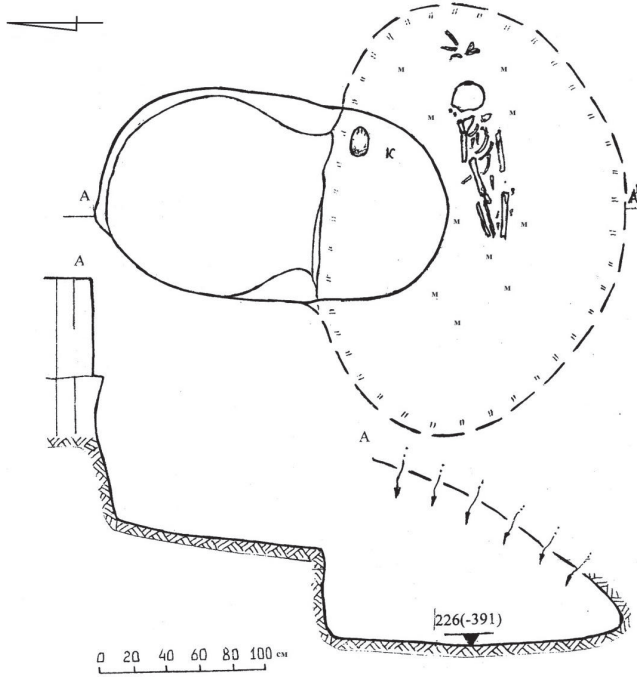
Особого внимания заслуживает присутствие в ряде катакомбных погребений оружия из камня, повторяющего изображенные на стелах воинские атрибуты, – булавы, топоры, стрелы. Их присутствие указывает не только на прижизненную социальную, но и сакральную элитарность погребенных, поскольку в представлениях древних, в частности зороастрийцев [3, с. 303], булавы, копья, лук и кремневые наконечники стрел являлись оружием воинов, находящихся под покровительством божества, олицетворявшего власть и силу. В связи со сказанным заслуживают внимания наблюдения С. Н. Санжарова относительно находимых в катакомбных могилах наборов стрел, непрактичность и хрупкость части которых исключала их практическое применение, превращая их в «изящный» символ власти [22, с. 54]. С. Н. Санжаровым, со ссылкой на С. Н. Братченко [5, с. 276], отмечается, что в эксперименте стрелы ломались, падая с небольшой высоты, под собственным весом; к тому же глубина и угловатость внутренней выемки мешала их насаживанию на древко. Это позволяет видеть в подобных стрелах атрибут культа «небесного Лучника» – Индры, самого популярного персонажа ведийского пантеона (упоминается в 250 гимнах Ригведы). Лук Индры соотносился с «нижним миром», «темной ночью», отождествляемой с богиней Ями, сестрой бога смерти Ямы, что напрямую связывает лук с погребальным культом и хтоническими силами. Фаллическое и одновременно эмбриональное значение стрелы получило отражение в обрядах лечения стрелой бесплодия и импотенции [12, с. 75–77].

В результате накопления материала стало возможным выделение из общей массы катакомбных каменных изделий, сопровождающих погребенных, своеобразных алтарей усеченно-конической формы, ограничивающие плоскости которых не несут свидетельств использования в качестве орудия или инструмента – наковальни или растиральника, к которым их обычно относят [16, с. 206–214]. Алтари, происходящие из катакомбных погребений северостепного Поднепровья, отнесены нами к предметам погребального культа, восходящим, судя по форме, к символам

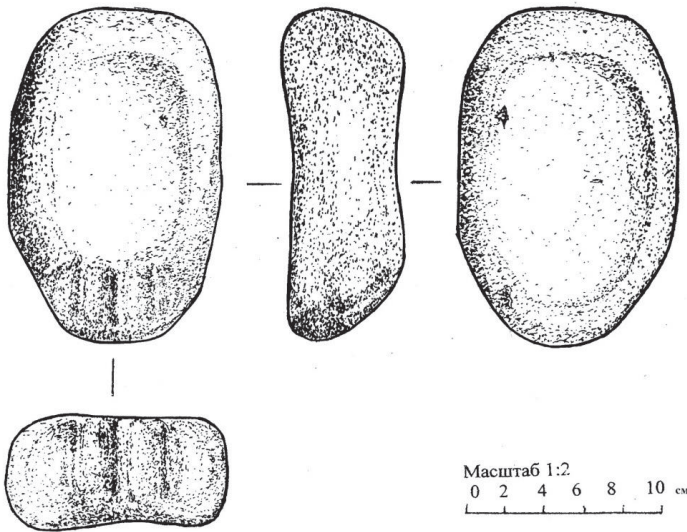
«Мировой горы» как триединой модели мирового устройства. Функционально, судя по круговым желобкам на одной из плоскостей, в ряде случаев завершавшихся выделенным сливом, могли служить для извлечения жидкости из мягкого – растительного – материала, что согласуется с ведическими представлениями о священном напитке – Соме или Хаоме. Вместе с алтарями в ряде катакомб были найдены изделия из камня яйцевидной формы со следами заполированности на одном из концов, соответствующем по размерам желобку на поверхности алтаря.

Сегодня стало возможным введение в научный оборот нового типа катакомбных алтарей, условно названного нами антропоморфным. Местом находки является катакомбное погребение № 10 кургана 2, исследованного в 2008 г. экспедицией Криворожского краеведческого музея на территории Новокриворожского горно-обогатительного комбината. Погребение представляло собой вторичное захоронение костных останков, которые размещены с соблюдением «вытянутого» труположения на спине; с северо-восточной ориентацией по черепу. Скелет лежал на органической подстилке, дно камеры под которой было обильно посыпано мелом. Артефакты при погребенном отсутствовали (рис. 1, а).

На дне под внешней стенкой камеры у входа найден в положении *in situ* блок молочно-белого кварцита длиной 17,5 см, шириной на концах от 11 до 0,6 см и высотой 0,5 см. (рис. 1, б). Путем тщательной шлифовки всех поверхностей блоку была придана форма овала, расширенного на одном и суженного на противоположном конце, где в вертикальной проекции обозначены рельефные валики, разделяемые желобками, в нашем представлении изображающие пять пальцев человеческой стопы. Верхняя и нижняя плоскости блока слабо прогнуты, что является подражанием естественной форме стопы. Форма и материал изделия, тщательность отделки свидетельствуют в пользу предлагаемого нами отнесения его к культовым предметам, а именно – алтарям, семантика которых, по-видимому, тождественна контурным и скульптурным охровым изображениям стоп на дне камер ингульской катакомбной культуры. Последним посвящена репрезентативная историография, в большинстве случаев связывающая отпечатки «стопы» с персонажами авестийского и индуистского пантеонов [9, с. 117–127; 15, с. 47; 21, с. 24; 23, с. 31–33].

a

б

Рис. 1. Погребение 11, курган 2, г. Кривой Рог
а) план и разрез катакомбы;
б) каменный алтарь в форме человеческой стопы

Размещение «стоп» в камере, как правило, перед входом, рассматривается как свидетельство предполагаемого «прихода» за душой умершего, таким образом покидающей место погребения. Обычное для катакомбной культуры помещение погребенных лицом ко входу в «надземный» мир – обитель душ предков. В подтверждение сказанному были привлечены этнографические наблюдения, относящиеся к современным захоронениям в катакомбных могилах Туркмении [15, с. 46, 47]. Изображения стоп на дне катакомб и антропоморфных стелах чаще всего связывают с культом Вишну индоарийского пантеона, в числе основных космогонических актов которого мифы называют разделением пространства на три космические зоны, так называемые «три шага Вишну». В погребальном ритуале изображение «стопы Вишну» взаимодействует с семантикой следа – стопы – подошвы, связанной с зачатием и посмертным возрождением в ритуалах и фольклоре народов мира [12, с. 75]. К сожалению, роспись на дне катакомб ингульской культуры остается малоизученной и представления о ней ограничиваются содержательной статьей С. Ж. Пустовалова [21, с. 21–51].

В культурах развитого позднебронзового века региона (многоваликовой керамики, срубной и др.) находки алтарей отсутствуют. Вместе с тем заслуживают внимания каменные «ступочки», находимые в могилах и на поселениях сабастиновской культуры. И. Н. Шарафутдинова допускает, что «ступочки» имели культовое назначение и находит связь между ними и каменными изделиями в форме яйца, считая последние пестами, что подтверждается совпадением размеров и однородностью охрового окрашивания. По тщательности обработки поверхностей «ступочки» сопоставимы с «булавами, каменными топорами, особенно разнообразно представленными в катакомбной культуре» [25, с. 132–134].

В этом же качестве – алтарей-жертвенников – в скифо-сарматское время выступают каменные блюда и жаровни в сочетании с другими культовыми предметами.

Как отголосок древнего культа почитания священных гор и камня можно рассматривать присутствие в погребальном обряде культуры многоваликовой керамики и последующих культур, до скифской включительно, необработанных и не бывших в употреблении отщепов кремня, реже – гранита; обычно их находят вложенными или рядом с кистью. Их присутствие отмечено в культурах железного века, иранская принадлежность которых не вызывает сомнений. В иранской мифологии сюжет, связанный с камнем, например рождение героя из камня, имел широкое распространение и получил отражение в образе Митры, «рожденного из скалы» [11, с. 70–72, 76].

В хеттском эпосе каменный герой Улликумми рожден от брака бога Кумарби с гигантской скалой [10, с. 139; 26, с. 143–145]. В нартском эпосе камень (скала) предстает как лоно, в которое попадает семя и в котором зарождается жизнь [1, с. 139; 11, с. 70].

В заключение необходимо отметить перспективность дальнейших исследований в данном направлении.

Библиографические ссылки

1. **Ардзинба В. Г.** Нартский сюжет о рождении героя из камня / В. Г. Ардзинба // Древняя Анатолия. – М., 1986. – С. 139–152.
2. Библия. – М., 1995.
3. **Бойс М.** Зорострийцы: верования и обычаи / М. Бойс. – М., 1987.
4. **Брагинская Н. В.** Небо / Н. В. Брагинская // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 207–208.
5. **Братченко С. Н.** Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века / С. Н. Братченко // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 6. – Луганськ, 2006. – С. 32–310.
6. **Даниленко В. Н.** Энеолит Украины. Этноисторическое исследование / В. Н. Даниленко. – К., 1974.
7. **Даниленко В. Н.** Космогония первобытного общества / В. Н. Даниленко // Начала цивилизации. – М.-Екатеринбург, 1999. – С. 7–216.
8. **Довженко Н. Д.** Енеолітичні ідоли Степової України: парадокси датування / Н. Д. Довженко // Наук. зап.: іст. науки. – К., 2003. – Т. 21. – С. 4–5.
9. **Довженко Н. Д.** О традиции изображения «стоп» в погребальном обряде катакомбных культур Северного Причерноморья / Н. Д. Довженко, О. Б. Солтыс // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К., 1990. – С. 117–127.
10. **Дьяконов И. М.** Архаические мифы Востока и Запада / И. М. Дьяконов. – М., 1990.
11. **Дюмезиль Ж.** Осетинский эпос и мифология / Ж. Дюмезиль. – М., 1976.
12. **Ерофеева Н. Е.** Лук / Н. Е. Ерофеева // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. – М., 1982. – Т. 2. – С. 75–77.
13. **Зубов А. Б.** История религий. Книга 1 / А. Б. Зубов. – М., 1997.
14. **Ковалева И. Ф.** Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов (по материалам культуры бронзового века Левобережной Украины) / И. Ф. Ковалева. – Д., 1983.
15. **Ковалева И. Ф.** Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам левобережной Украины) / И. Ф. Ковалева. – Д., 1989.
16. **Ковалева И. Ф.** Катакомбные погребения северостепного Поднепровья с алтарями / И. Ф. Ковалева // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 10. – Оренбург, 2012. – С. 43–49.
17. **Крылова Л. П.** Керносовский идол (стела) / Л. П. Крылова // Энеолит и бронзовый век Украины. – К., 1976. – С. 36–46.
18. **Кузьмина Е. Е.** Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня / Е. Е. Кузьмина. – Фрунзе, 1986.
19. **Мерперт Н. Я.** Очерки археологии библейских стран / Н. Я. Мерперт. – М., 2000.
20. **Піоро В. І.** Нові знахідки антропоморфних стел та кромлехів у курганах ямної культури степової України / В. І. Піоро // Vita Antiqua. – К. – 1999. – № 1. – С. 41–44.
21. **Пустовалов С. Ж.** О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества Северного Причерноморья / С. Ж. Пустовалов // Древности Доно-Донецкого региона в эпоху средней и поздней бронзы. – Воронеж, 1998. – С. 21–51.
22. **Санжаров С. Н.** Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины / С. Н. Санжаров. – Луганск, 2008.
23. **Супруненко А. Б.** Федоровский идол и курган / А. Б. Супруненко. – К. – Полтава, 2011.

24. **Топоров В. Н.** Гора / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. – М., 1980. – Т. 1. – С. 310–314.

25. **Шарафутдинова И. Н.** Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы / И. Н. Шарафутдинова. – К., 1982.

26. **Элиаде М.** Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / М. Элиаде. – СПб., 1998.

Надійшла до редколегії 23.10.2013

УДК 902/904

А. В. Петраускас, А. А. Коваль

Институт археологии Национальной академии наук Украины, отдел древнерусской и средневековой археологии

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАМНЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ ЖИТОМИРСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Предложены результаты авторских наблюдений касательно использования камня в средневековых захоронениях Житомирского Полесья, что связано с особенностями геоморфологического строения региона.

Ключевые слова: камень, погребение, курган, крепида, кромлех, каменные кресты.

Петраускас А. В., Коваль А. А. Використання каменю в середньовічних похованнях Житомирського Полісся.

Запропоновано результати авторських спостережень щодо використання каменю в середньовічних похованнях Житомирського Полісся, що пов'язано з особливостями геоморфологічної будови регіону.

Ключові слова: камінь, поховання, курган, крепіда, кромлех, кам'яні хрести.

Для Житомирского Полесья характерной чертой ландшафтов является камень. Остатки древних выветренных горных массивов в виде скал или отдельно стоящих глыб представлены по всей территории региона. Повсеместным можно считать также распространение более мелких камней в виде валунов или обломков разной величины. Возможно, именно этим объясняется его использование для возведения оборонительных укреплений древлянских городищ в Коростене, сооружение в славянских и древнерусских жилищах печей из камня, возведение православных часовен. Использовался камень и в погребальном обряде. Хорошо известны случаи использования камня в погребениях эпохи бронзы и I тыс. н. э. В древнерусский и последующие за ним периоды камень также часто использовался в погребениях. В статье не будут рассматриваться как объекты исследования каменные кресты – мы остановимся только на случаях использования не-